

почти физической жадной подвига. И как твенский Том Сойер играл в разбойники по книге о Робин Гуде, так мы играли в индейцев по книге Зуева-Ордынца, проявляя чудеса храбрости и человеколюбия среди густых зарослей тальника на пустынном иртышском острове. Так, впервые в мою жизнь властно вошел литературный герой —

мужественный праздолюбец, вошел и неудержимо повлек за собой.

МАЛЕНЬКИЙ томик в яркой зеленой обложке. По ней — четкая надпись интригующего названия — «Остров потопленных кораблей». Книга еще не открыта. Она только что взята с прилавка магазина, соблазнительно чиста и остро пахнет типографской краской. Но я радуюсь ей, как старому другу. Ведь она написана Зуевым-Ордынцем писателем гонимым, искривленным, а главное — необыкновенно доброжелательным к людям...

В первые с Зуевым-Ордынцем я познакомился еще в детские годы. В наследство от старших братьев мне досталось несколько годовых подшивков журналов «Всемирный следопыт», «Мир приключений» и «Вокруг света». В одной из них я обнаружил роман «Злая земля». Мы читали его целым классом, читали, что называется, взахлеб каждый день заново переживая приключения «белого вождя» — русского зверолова — среди аляскинских индейцев его борьбу с бандой американских колонизаторов погони сражения и победы. Мы были тогда в том изумительном возрасте когда человек впервые становится на тропу приключений и загорается неистребимой

белогвардейских полчищ. Но было и то, что свойственно любой книге Зуева-Ордынца — зовущая сила примера, необычность ситуации и стремительный, захватывающий дух бег повествования.

Если «Китеж» своей оригинальностью сюжета был рассчитан на читателя разных возрастов, от пионера до академика (как показала журнальная анкета), то в старших классах мне попадались уже серьезные книги писателя, поднимающие важные социально-исторические проблемы.

с первой же страницы попадает в водоворот необыкновенных событий, искусно драматизированных происшествий и приключений. Его окружают смелые люди — герои повествования. Они преодолевают множество препятствий на пути к заветной цели. И читатель не может не следовать за ними, не может не учиться у них стойкости и решительности, нравственной чистоте и гражданскому мужеству.

Все эти качества в полной мере свойственны книгам Зуева-Ордынца. Мы увидим

тот тайфун»; любовь к разоренному русскому крестьянству руководит поступками прославленного пугачевского полковника Хлопуши (повесть «Хлопушин поиск»); наконец, отважно воюют с белогвардейским отребьем герои знаменитого «Китежа». Писатель беспощадно разоблачает антинародный смысл русского самодержавия («Возмутители»), его захватническую политику в Средней Азии, прикрытую лицемерными лозунгами о «просветительской миссии» (роман «Гул пустыни»), пока-

Революционная героика лучших романов Зуева-Ордынца особенно близка нам — ТОМУ поколению, которое в грозные июньские дни 1941 года прямо со школьной скамьи ушло на фронт.

В восемнадцать лет трудно становиться взрослым. Трудно бросить гранату в грохочущий огнем и металлом вражеский танк. Еще труднее воткнуть штык в живое, трепещущее тело человека. И если все-таки мы не дрогнули, выстояли, а затем и победили, то в этом большая заслуга нашей великой воспитательницы — русской советской литературы.

До сего времени я как-то не задумывался над тем, как выглядит Зуев-Ордынец, каков он как человек. Где-то в глубинах памяти у меня сохранилось детское представление об этом писателе, такое же романтическое, как и сюжеты его повествований: высокий старик с седой, включенной бородой и ястребиным взором. На нем — меховая куртка, расшитые мокасины и, конечно, неизменный винчестер в огрубелых руках. И мне трудно описать сейчас то чувство, с каким я впервые прочитал на страницах «Социалистической Караганды» статью Н. Ховрякова «Книга нашего земляка». Ведь в статье шла речь о друзьях моего далекого детства — героях романа «Злая земля» (в новой редакции — «Последний год»). Больше того, я узнал, что автор романа живет в нашем городе, вот здесь, за углом почти рядом...

А вскоре состоялось и мое знакомство с Михаилом Ефимовичем Зуевым-Ордынцем. Нет, на нем не было мокасин, не было и винчестера. Но было и нечто от моего старого представления об этом человеке: глаза, умный, пронзительный взгляд, свидетельствующий о глубоком знании жизни, умения находить в ней то, что скрыто от нас. У него есть что сказать людям, есть и умение как сказать — все то, что так или

иначе свойственно всякому настоящему художнику и человеку.

Позже мне попались другие послевоенные книги писателя — сборник рассказов «Вызывайте 5... 5... 5» и повесть «Вторая весна». Эту повесть хорошо знают читатели нашей страны. Свидетельство ее успеха — второе многотиражное издание, которое уже исчезло с прилавков. Можно смело сказать, что повесть «Вторая весна» — одна из лучших книг о покорителях целины.

Михаил Ефимович — неутомимый рассказчик, неистощимый кладезь самых увлекательных историй. Слушая его восторженные отзывы о нашей молодежи, о времени, о нашем искусстве и литературе, я каждый раз поражаюсь молодости его седин. Он из тех людей, которые трудно проживают собственную жизнь. Но делами и усилиями именно таких людей расцветает наша жизнь, расцветает и движется вперед к заветной цели...

О ОТКРЫВАЮ зеленую обложку с четкой надписью «Остров потопленных кораблей» и погружаюсь в книгу, как в новый прекрасный мир. Старый знакомец — зувский герой — рабочий-нефтяник, геолог, пограничник, смелый, предприимчивый и чистый, как совесть писателя, снова властно идет по земле, идет и зовет за собой ч неведомым горизонтам великих свершений.

Г. СЕННИКОВ.

Тропою приключений

Творческий путь нашего земляка

Повесть о 1905 годе «Возмутители», повесть о Пугачевском восстании «Хлопушин поиск» и экзотическое «Крушение экзотики». Росли мы — самые горячие и восторженные читатели Зуева-Ордынца а вместе с нами рос и он — большой советский писатель. Это была изумительная перекличка поколений, имеющая свой глубокий исторический смысл: ведь приближался 1941 год...

Существует мнение, что приключенческая литература — это легкий, несерьезный жанр, развлекательное чтение, рассчитанное на невзыскательного потребителя. Откройте «Литературную газету», вы почти не найдете там упоминаний о наших советских «приключенцах». И в то же время нет буквально ни одного издательства, которое бы охотно не печатало тех же «приключенцев», и нет ни одного человека, который бы не интересовался этим увлекательным жанром.

Чем же замечательны приключенческие повести и рассказы? Прежде всего исключительной остротой и напряженностью сюжета. Читатель

здесь и мастерски построенный сюжет, когда каждый излом в человеческой судьбе логически обоснован и влечет за собой целый фейерверк событий, столкновений, поражений и побед, а все вместе образует такое бурное кипение жизни, из которого читатель уже не в силах вырваться, пока не перевернет последнюю страницу книги. Увидим мы здесь и того удивительно привлекательного, смелого и решительного героя — хозяина земли, который только один в состоянии пройти несломленным и непокоренным сквозь самые тяжкие испытания.

Наконец, и это, пожалуй, самое главное, каждое приключенческое произведение Зуева-Ордынца несет в себе важную общественно-значимую идею, сильнейший заряд гражданской доблести патриотизма. Во имя свободы угнетенных индейских племен сражается на далекой Аляске русский революционер Андрей Гагарин — герой романа «Злая земля»; за счастье и свободу своего народа борется вьетнамский патриот Кай-Пангу — герой повести «Жел-

зывает омерзительную сущность современных заокеанских работогровцев («Панургово стадо»). Автор приключенческих романов не стал равнодушным и к героике своего времени. Высоким романтическим пафосом проникнуты его книги о творца» первых пятилеток («Крушение экзотики», «Клад Черной пустыни», «Каменный пояс» другие).

Не все гладко в этих романах и повестях. Есть в них стилевые срывы, и излишне эффектные повороты сюжета а иногда и неудачные образы (герой романа «Гул пустыни», например. — тип отрицательный — гвардейский шаркун и стяжатель корнет Коростовец). Но есть в них постоянное горение ищущей человеческой мысли, есть революционная романтика — все то, что определяет общественную значимость произведения и в конечном итоге его литературную жизнь. Именно эти качества настойчиво требуют переиздания произведений Зуева-Ордынца, насильственно похищенных у советского читателя темною силою культа личности.